

В 20-х ГОДАХ, когда шло становление послеоктябрьской литературы, глубинный смысл этой культурной работы затемнялся порой борьбой группировок и писательских самолюбий, бушеванием в ней литературных страстей и мнений. В этой пестрой сутолоке большое значение получали тогда проблема выбора пути, решение, с кем и куда пойдет писатель.

В этом отношении Михаил Булгаков волею судьбы был поставлен в весьма рискованное положение. Он не принадлежал к сословию российской дворянства, предки его не числились в купеческих гильдиях и промышленных, рабочих и крестьян среди них также не имелось. Нельзя назвать его и потомственным интеллигентом.

Дед его был священником кладбищенской церкви в Орле, бабушка — дочерью церковного служки, а отец — профессором Киевской духовной академии, преподававшим там историю. Сам Михаил Афанасьевич, закончив 1-ю Киевскую гимназию и медицинский факультет тамошнего университета, с 1916 года работал земским врачом в селе Никольское Смоленской губернии, а потом в Вязьме, где он начал набрасывать «Записки юного врача» и где застала его революция. В одном из своих писем он тогда писал: «Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов... и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад». Письмо помечено последним днем «незабвенного, зыбного, стремительного» 1917 года. Надо было понять новое время и новых людей, найти свое место в круповароте жизни. И с 1918 года начинаются скитания Булгакова — Москва, Киев, Ростов, Грозный, Владикавказ, Тифлис, Батум, Киев и снова Москва. «Кто же не переживал невероятных приключений во время гражданской войны?» — сказано им позднее в «Театральном романе».

Весной 1918 года Булгаков вернулся в Киев, в дом № 13 по Андреевскому спуску. Были труднейшие дни гражданской войны, которая, окончившись с прежней идиллией, властно вошла в жизнь булгаковской семьи, разметала ее по свету и оставила неисцелимые раны в душе самого писателя, потрясенного сценами жесточайшего кровопролития.

Вместе со всеми киевлянами он пережил более десяти переломов. Его, как врача, мобилизовали петлюровцы. Бежал, вернулся домой. Затем пришли белогвардейцы. Опять мобилизация осенью 1919 года, и наконец гражданская война забросила врача Михаила Булгакова во Владикавказ. Здесь, во Владикавказе, он начал писать, оставив врачебную профессию.

Писательская биография Михаила Булгакова была необыкновенно деятельна. Когда молодой Булгаков осенью 1921 года приехал из Киева в Москву и начал работать в газетах и журналах, приютивший его А. М. Земсков — муж сестры писателя, говорил: «Миша меня поражает своей энергией, работоспособностью, предприимчивостью и бодростью ду-

ха... Можно с уверенностью сказать, что он поймает свою судьбу — она от него не уйдет!». Эту бодрость духа, стойкость Булгаков хранил до конца. Он «поймал» свою судьбу, обрел свое место в истории отечественной литературы, но стоило ему это очень дорого.

Речь здесь не только об одних житейских трудностях. Первая жена Булгакова — Т. Н. Лаппа-Кисельгоф так вспоминала об их приезде в Москву: «...В домоуправлении были

Визитка. — Бабу. — 1991. — 15 мая.

однажды ночью, остервенев от постного масла, картошки, дырявых ботинок, сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы... Что это доказывает? Это доказывает только то, что человек, борющийся за свое существование, способен на блестящие поступки».

В СВЯЗИ С ЭТИМ особенно интересно взглянуть на раннюю прозу Булгакова. Она подчеркнута, как указывают многие исследователи, автобиографична, чаще всего написана «от первого лица»,

автора на события гражданской войны. Роман преисполнен удивительного духовного единения писателя со своими персонажами: «Героев своих надо любить, если этого не будет, не советую никому братья за перо — вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», — это сказано также в позднейшем «Театральном романе».

...Шел 1929 год — начало писательской известности Михаила Булгакова. Вспомним, что

очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может».

ПОСЛЕ этого разговора ему предоставляется жалкая работа во МХАТ, и только после этого он оставляет мысли о самоубийстве и выбрасывает револьвер в пруд у Новодевичьего монастыря. Булгакову помогли театры, и прежде всего МХАТ, где он работал режиссером-ассистентом.

истина. Но тогда они вызвали бурю возмущений в среде молодых литераторов, не желающих считаться с традициями и авторитетами.

В театральном мире ему не могли простить, что он стал первым советским драматургом, чья пьеса «Дни Турбиных» была поставлена в Московском художественном театре и стала для этого театра новой «Чайкой», возродила его. Не прибавил друзей и успех «Зойкиной квартиры». Стрелы вражды и зависти летели в писателя со всех сторон.

...Шел 39-й год двадцатого века, и сорок девятый год жизни Михаила Афанасьевича Булгакова. Мрачные стороны бытия все более властно вторгались в его жизнь. Булгаков начал слепнуть, терять речь. Он был врач и мог предсказать течение болезни. Но он был Булгаков, и однажды сказал жене:

— Вот я скоро умру, меня всюду начнут печатать, театры будут вырывать друг у друга мои пьесы и тебя будут приглашать выступать с воспоминаниями обо мне. Ты выйдешь на сцену в черном платье с красивым вырезом на груди, заломисти руки и скажешь: «Отлетел мой ангел...».

Побороть отчаяние помогла Михаилу Афанасьевичу его жена — Елена Сергеевна. Сколько трагизма и любви в двух надписях на рукописи «Мастера»: «Дописать прежде, чем умереть!», и другая — «На память той, которая была единственной вдохновительницей, жене моей Елене Сергеевне».

Но света оставалось все меньше. Елена Сергеевна дочитывала последние главы. Булгаков еще бы поработал над романом, но уже не было сил. Последнее, что он услышал — это клятву жены:

— Я даю тебе честное слово, что я перепису роман, что я подаю его, тебя будут печатать!

Но роман не был напечатан, и не было покоя ей. Она проживет еще тридцать лет, и сделает все, что обещала мужу, и увидит роман напечатанным, и будет гладить обложки журнала «Москва», где роман впервые увидел свет, а в своем дневнике напишет: «Вот я хочу вам сказать, что, несмотря на все, несмотря на то, что были моменты черные, совершенно отрешенные, не тоски, а ужаса перед неудавшейся литературной жизнью, но если вы мне скажете, что у нас, у меня была трагическая жизнь, я вам отвечу: нет! Ни одной секунды. Это была самая светлая жизнь! Какую только можно себе выбрать, самая счастливая. Счастливей женщины, чем я тогда была, не было...».

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ДНЕЙ после смерти Михаила Афанасьевича Анна Андреевна Ахматова пришла к вдове и отдала последний долг — стихи:

Вот это я тебя,
взамен могильных роз,
взамен кадильного куренья:
Ты так сурово жил
и до конца донес
Великолепное презренье...

В. ЗАЙЦЕВ.

М. А. БУЛГАКОВ: „АХ, ОТЧЕГО Я ОПОЗДАЛ РОДИТЬСЯ!“

К 100-летию со дня рождения

горькие пьяницы, они все ходили к нам, прозили... и нас не прописывали, хотели, видно, денег, а у нас не было. Прописали нас только тогда, когда Михаил написал Крупской...».

Сам писатель о своих житейских трудностях тех лет в эссе «Трактате о жилище» писал:

«Где я только не был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке — в Деловом дворе, на Старой Площади — в Центросоюзе, заезжал в Сокольников, швыряло меня и на Девичье поле. Меня гоняло по всей необъятной и странной столице одно желание — найти себе пропитание. И я его находил, — правда, скудное, неверное, зыбкое. Находил его на самых фантастических и споротечных, как чахотка, должностях, добывая его странными, утлыми способами, многие из которых теперь, когда мне полегчало, кажутся уже смешными. Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны, которые мне самому казались не смешнее зубной боли, подавал прошение в Лынтрест, а

упорно выдавал себя за дневник или мемуары, рассказ очевидца. Особенно примечательны в этом «Записки на манжетах». Само название «Записки на манжетах» указывает на фрагментарность дневниковых заметок, неизбежную скоропись мемуариста в суматохе великих исторических событий. И сам автор позднее такому прочтению помог, сказав о создании книги: «Я сочинил нечто — листа на четыре приблизительно печатных. Повесть? Да нет, это была не повесть, а так, что-то такое вроде мемуаров». Кстати, отрывки из «Записок на манжетах» были опубликованы в газете «Бакинский рабочий» в номере 1924 года.

Но понадобилось несколько лет скитаний и напряженной работы, чтобы родился знаменитый роман «Белая гвардия», где при очевидном лиризме повествования есть историчное, объективное воззрение

в тридцатые годы написаны лучшие его произведения: биографический роман «Жизнь господина де Мольера», драмы «Кабала святош» и «Последние дни» («Пушкин»), «Театральный роман», остроумнейшая комедия «Иван Васильевич». И, конечно же, «Мастер и Маргарита», роман, принесший автору посмертную мировую славу.

Но год 1929-й стал и началом жесточайших гонений на него. В мае писатель начинает работу над романом «Мастер и Маргарита», а в декабре ему официально сообщают, что все его пьесы запрещены «к публичному исполнению» («Дни Турбиных» тоже). В январе 30-го Булгаков говорит: «Я обречен на молчание и, очень возможно, на полную голодовку, через месяц: «Я представляю собою сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна», в марте запрещена новая его пьеса о Мольере — «все мои вещи безнадежны», тогда же в марте, в самом конце его, Михаил Афанасьевич пишет письмом правительству, исполненное чести, достоинства и отчаяния: «...Я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошу на должность рабочего сцены. Если же и это невозможно, я прошу Советское правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего пять пьес, известного в СССР и за границей, налицо в данный момент — нищета, улица и пубель». 31 марта и 1 апреля копии писем рассылаются по адресатам, которыми были Сталин, Молотов, Каганович, Ягода и другие. 18 апреля Булгаков разговаривает со Сталиным по телефону и скажет: «Я

долгих лет забвения, мы можем сполна ознакомиться с творчеством одного из наиболее крупных русских писателей нашей эпохи Михаила Афанасьевича Булгакова, 100-летие со дня рождения которого сегодня отмечает весь мир.

том, и даже кино, мюзик-холл и оперетта. И все же в тридцатые годы его писательская судьба была тяжелой и полна ежедневной борьбы за существование. Когда стало совсем невыносимо в одном театре, он стал либреттистом в другом — вот чего он никогда не чурался, так это работы. И вновь Булгаков стучится в административные органы: «За семь последних лет я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно...»

Урывками, после добычи хлеба насущного, он писал гениальный роман, а ему предлагали подзаработать на скетчах, он вылепливал образы библейской силы и мощи — ему подсказывали халтурку на антирелигиозные темы; автозаводцы, опять же, не забыли — попросили сделать монтаж к празднику — он относился к этому, как и должно, как к суете, и повторял свое любимое: «Главное — не терять достоинства».

Почему же судьба Михаила Булгакова была столь трудной? Представляется, что дело не только в сложности булгаковского таланта, далеко не всем тогда понятного и не всеми принятого, но и в том, особом положении, которое он занимал в отечественной литературе его времени. Булгаков был человеком другого поколения и иных культурных корней, он лучше видел необходимость не только ломки, но и преемственности в судьбах страны, ее великой культуры, творческой интеллигенции.

● На снимке: М. А. БУЛГАКОВ и Е. С. БУЛГАКОВА. Один из последних снимков. 1940 год.